

О Т З Ы В
об автореферате диссертации
на соискание ученой степени доктора исторических наук
ТАТЬЯНЫ ГЕННАДЬЕВНЫ НЕДЗЕЛЮК по теме:
«Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние
мировоззрения на повседневную жизнь (1830 – 1917 гг.)»
(Специальность 07.00.02 – Отечественная история).
Новосибирск, 2015. – 36 с.

Диссертация Т. Г. Недзелюк посвящена теме, столь же оригинальной, сколько и непростой для научного анализа. Она до настоящего времени еще недостаточно глубоко и всесторонне изучена в затрагивающих ее историографиях – как отечественной, так и зарубежных. Диссертантом предпринята практически первая попытка исследовательского обобщения – в русле разрабатываемого содержательного, многоаспектного тематического направления по истории распространения, практического бытования и исторической эволюции католической конфессии в огромном пространственном ареале зауральской, сибирской части России – на «солидной основе <...> обширного круга отечественной научной литературы по смежным вопросам истории европейских этнических диаспор и католицизма в Российской империи и, в частности, в Сибирском регионе» (см. С. 3 рец. автореф.).

Наряду с уже обозначенным в автореферате исследовательским материалом, диссертантом привлечен и определенный источниковый массив (се упором на данные метрического, документально-статистического характера), репортажные материалы региональной прессы, источники личного происхождения. Следует признать весьма оригинальным и ценным комплекс материалов, выявленных диссертантом методами устного опроса (на американский лад, «oral history» – «устной истории») у еще живших в начале 1990-х гг. некоторых прямых очевидцев описываемых процессов, а также и документов из архива Ватикана.

Хотя упоминание в автореферате указанных источников не позволяет до конца ясно и предметно судить о реальных контентах последних. На такой разнообразной источниковой базе диссертантом выполнен исследовательский анализ по проблематике «влияния мировоззрения сибирских католиков на их повседневную жизнь» и решены задачи по «осмыслению» «опыта формирования поликонфессионального сообщества в многонациональной Сибири» (см. там же).

В целом структурное построение диссертационного исследования Т. Г. Недзелюк рецензенту представляется логичным и вытекающим из намеченных автором целей и задач последнего. Можно согласиться с заключением диссертанта, что теоретическая значимость его исследования обусловлена тем, что «впервые на примере Сибирского региона осуществлен анализ влияния мировоззренческих убеждений и установок конфессионального сообщества католиков на их повседневную жизнь» (С. 15 рец. автореф.). Именно то, что диссертант стремится вывести свое исследование за пределы устаревших традиционных подходов, поставить новые научные задачи и попытаться осуществить их в дискурсе «интеллектуальной истории» с применением полидисциплинарных методик изучения проблематики в русле избранного им тематического направления, по мнению рецензента автореферата, составляет одни из наиболее выигрышных сторон освещаемой в последнем выносимой на защиту научной монографии.

В целом диссертационный труд Т. Г. Недзелюк, насколько позволяет судить о нем рецензируемый автореферат, несомненно, обладает рядом существенных достоинств и отвечает основным требованиям, предъявляемых к подобного рода исследованиям на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Однако же рассматриваемая реферируемая диссертация Т. Г. Недзелюк не свободна и от целого ряда заметных недостатков, на которые рецензент не может не обратить внимания.

Так, в историографическом разделе рассматриваемого автореферата приходится отметить проявления одностороннего схематизма и совершенно досадной, в сущности необъяснимой пробельности при рассмотрении современных результатов исследования рассматриваемой в диссертации тематики. Диссертант возможно несколько невольно обнаруживает явную тенденциозность в атрибутировании неких «школ» в разработке данной темы польской историографией, с чем, на взгляд рецензента, едва ли можно согласиться. Конечно, диссертант вправе предлагать подобные характеристики. Но делать это необходимо лишь в качестве авторских (-ой) гипотез(-ы), требующих(-ей) соответствующих подтверждений.

Думается, что укоренившееся традиционалистское разделение историографии изучаемой проблематики по «национально-государственной» принадлежности, которому следует диссертант, – на отечественную, польскую, немецкую, – на современном уровне обретает заметную условность. К примеру, если придерживаться парадигмы такого структурирования, приходится задаться вопросом, к какой из «национальных» историографий, тем более, «научных школ» следует относить материалы многих международных научных конференций по рассматриваемой теме, сделавшихся весьма заметным явлением, как минимум, на протяжении последнего двадцатипятилетия рубежа XX–XXI вв., и отразивших происходящее непосредственное сотрудничество специалистов из Польши и России, а зачастую и других стран (в какой-то мере и Германии), о которых диссертант упоминает лишь вскользь.

При оценке новейшей отечественной историографии темы диссертант, чрезмерно акцентируя внимание на несколько гиперболизированной, на взгляд рецензента автореферата, значимости отдельных тезисных положений из нескольких недавно появившихся общих исторических компендиумов (см. С. 6–7 рец. автореф.), вместе с тем откровенно

игнорирует иные, более ранние по времени опубликования и специально тематически относящиеся к дискурсу исследуемой в диссертации проблематики.

В частности, к таковым принадлежат и работы автора данной рецензии.

(Среди прочего, могут быть названы в качестве примеров: **Шостакович Б. С.** «Сибирско-польская» история и современный взгляд на ее содержание, задачи изучения и популяризации // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф., Иркутск, 11–15 сентября 2000 г. – Иркутск, 2001. – С. 28–36; **Idem.** Dzieje irkuckiej parafii rzymsko-katolickiej do początków wieku XX. (Na podstawie materiałów Archiwum Państwowego Obwodu Irkuckiego) // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego. Uniwersytet Wrocławski i in. – Wrocław, 1998. – S. 106–113; **Он же.** История иркутского римско-католического прихода до начала XX в. в отражении материалов Государственного архива Иркутской области // Сибирь в истории и культуре польского народа. – М., 2002. – С. 114–123; **Он же.** Здания римско-католического костела в Иркутске: история сооружения и последующих перестроек // Земля Иркутская. Иркутск, 2005. № 2 (28). – С. 28–37; **Он же.** К постановке задач изучения сибирских полоний в историческом прошлом и настоящем // Полонии в Сибири, в России и в мире: Проблемы изучения. Материалы междунар. научного симпозиума (Иркутск, 8–12 сент. 2004 г.). – Иркутск, 2006. – С. 32–45).

К указанной группе относятся также и многие иные работы, как непосредственно, так и опосредованно освещающие и анализирующие данную проблематику – равно как в прикладных, конкретно-фактологических, так и в проблемно-теоретических ракурсах. Все они в историографическом обзоре диссертации почему-то оказываются полностью проигнорированными. Среди выпавших из поля зрения диссертанта оказалось также и одно из первых специальных выполненных на указанную тему диссертационное исследование С. М. Емельянова, вместе с комплексом публикаций того же автора по той же теме.

(См.: **Емельянов С. М.** История католической церкви в Восточной Сибири (начало XIX в. – 1917 г.). Дисс... канд. ист наук. – Иркутск, 2002, и иные работы того же исследователя).

По мнению автора данного отзыва, отмечаемые пробелы историографического раздела диссертации, насколько возможно о них судить по автореферату, не просто указывают на некоторую невнимательность автора последнего в учете и соответствующей аналитической оценке результатов разработок прямых коллег по профессиональному цеху и общему с диссертантом исследовательскому направлению (в определенной мере, и по отношению к их исследовательскому приоритету последних). Много более существенная тенденция заключается в том, что лакуны, обнаруживаемые рецензентом в указанном разделе, красноречиво свидетельствуют, к сожалению, об отсутствии практической научной координации или, хотя бы, минимального практического сотрудничества внутри, казалось бы, крайне немногочисленного сообщества отечественных специалистов в столь близкой всем последним и достаточно специфичной в целом сфере научных исследований. К сожалению, до сих пор не намечено и не проводится какой-либо разработки крайне актуальной на данный момент общей концепции изучения данной тематики, не говоря уже о реализации согласованного совместного исследовательского проекта в указанном тематическом русле, за что в своих научных выступлениях не устает ратовать автор данных слов.

Естественно, что все отмеченное не могло не сказаться и на фактическом снижении качества представляемых в диссертации аналитических результатов. В подтверждение сказанного, рецензент приводит лишь один пример из ряда подобных.

Так, во 2-ом подразделе главы 3-ей диссертант констатирует наблюдение некоего «единого стандарта» в строительстве католического храма, «вне зависимости <..>, в Европе или Сибири» (см. С. 28 рец. автореф.). Между тем, тщательно исследованные в свое время рецензентом материалы по истории сооружения и последующей эксплуатации двух абсолютно не рядовых и достаточно широко известных в

исторической литературе зданий именно такого храма в Иркутске (они были уже давно опубликованы в виде обширного очерка, также проигнорированного диссертантом в обзоре специальной отечественной литературы по исследуемой теме), убедительно свидетельствуют о тенденции прямо противоположного свойства.

. На взгляд рецензента, весьма заметной является и очевидная противоречивость трактовок Татьяной Геннадьевной собственно самого понятия «сообщество католиков в Сибири» как базового элемента исследуемой в ее диссертации проблематики. При определении объекта диссертационного исследования его автором указано, что таковым является «региональное сообщество сибирских католиков» и тут же пояснено, что под последним «мы понимаем ту часть населения региона, которая в изучаемый нами период исповедовала и практиковала католицизм» (С. 9 рец. автореф.). Столь своеобразное определение, безусловно, само по себе аксиоматично.

Однако далее, насколько возможно ориентироваться по автореферату, в определении данной дефиниции, а тем более, в соотношении этой последней с этнонациональной принадлежностью героев-католиков проводимого исследования, диссертант по преимуществу предпочитает обтекаемые формулировки, типа «граждане Российской империи римско-католического вероисповедания» и иные, таковой аналогичные.

Знакомство со 2-ым разделом главы 1-ой работы («Численность и структура католического населения Сибири») дает рецензенту основание для дедуктивного логического умозаключения о том, что основу указанного «сообщества католиков» составляли поляки, либо лица, культурно-ментально (в том числе и в конфессиональном аспекте), как приходится это домысливать уже самому рецензенту, связанные с геополитической пространственностью исторической бывшей Речи Посполи-

той. Диссертантом непосредственно обо всем этом не дано никаких пояснений. Однако на сделанные самим рецензентом заключения любого читающего автореферат наталкивают прямые указания Татьяны Геннальевны на то, что отсчет в «процессе миграции граждан Российской империи римско-католического вероисповедания на просторы Сибири» проведен ею с начала «массового характера», «после Ноябрьского восстания 1830 г. в Польше, продолжался в период между восстаниями 1830 г. и 1863 г., достиг своего пика после Январского восстания 1863 г. <...>». Косвенно обозначенные как «миграции», подобные исторические процессы (сам рецензент определил бы их точнее, как репрессивные депортации (высылки) царским режимом своих политических противников из регионов бывшей Речи Посполитой, (или как «штрафную колонизацию», в соответствии с формулировкой, введенной еще с до-революционной поры), едва ли могли заметно затрагивать появление в Сибири, например, немцев-католиков, жителей же пределов исторической Речи Посполитой, несомненно да. К большому сожалению, диссертант не попытался хотя бы сколько-нибудь системно и последовательно осветить данную проблему. Рецензенту подобное представлялось бы вполне закономерным и, по его мнению, должно бы было заметно актуализировать и усилить научную значимость рассматриваемого диссертационного исследования. Однако указанная проблема не отражена никоим образом, по крайней мере, в автореферате.

Тем более непонятно, как увязывается тезис Татьяны Геннадьевны о том, что «целью и результатом религиозного образования были не только обучение грамоте и основам религиозных знаний, но и в условиях иноэтничного и иноконфессионального окружения, сохранение родного языка, национальных традиций» (С. 21 рец. автореф.), с ее же утверждением о превалировании «общего» католического «аксиологического приоритета» над «особенным» – этнонациональной ментальностью (см, в частности, С. 18 рец. автореф.). Само собою разумеется,

что все исповедовавшие католицизм не переставали оставаться католиками, обладая любой непосредственной этнонациональной идентичностью. Но какой собственно смысл вкладывается диссертантом в констатацию превалирования конфессиональной принадлежности над этнонациональной? С учетом сущностного содержания диссертационной темы, данное утверждение на взгляд рецензента, приобретает совершенно особенное, принципиальное значение. С очевидной необходимостью оно должно получить сугубо целенаправленное, обстоятельное разъяснение – как непосредственно в самой диссертационной монографии, так, разумеется, и в автореферате, призванном последнюю адекватно аннотировать.

Таким образом, рецензентом отмечен ряд заметных недостатков диссертации – от прямых упущений, до частных неточностей, а также и высказанных отдельных формулировочных положений, требующих серьезного дискуссионного обсуждения. Однако столь же очевидно, что подобные слабые и спорные элементы исследовательской работы – вполне объяснимы большой масштабностью и многоплановостью избранного диссертантом для разработки тематического направления изучения, в том числе и его новизной и связанной с этим пока еще недостаточной освоенностью дискурсов научного прочтения последнего. Некоторые неизбежные промахи явились определенным следствием выступления диссертанта в сущности в роли первопроходца практической реализации подобных трактовок темы. Рецензент рекомендует диссертанту внимательно учесть отмеченные промахи и откорректировать соответствующие элементы контекста при окончательной редакционной подготовке представленной монографии к последующему ее опубликованию.

Подводя итог изложенной в отзыве на автореферат характеристике последнего, можно утверждать, что его автором Т. Г. Недзелюк сделана заявка на оригинальное научное раскрытие и осмысление

обозначенной в диссертационной монографии темы. Может быть одобрена постановка автором оригинальных и важных в научном отношении проблемных подходов к исследованию темы и раскрытие последней на масштабном уровне, подкрепленном существенной источниковой проработкой. Именно поэтому рецензент заключает, что выполненную диссертацию следует представить к процедуре защиты в Совете по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 003.030.01 при ФБГУН: Институт истории Сибирского отделения РАН (по специальности 07.00.02 – Отечественная история). Автор диссертационного исследования, Татьяна Геннадьевна Недзелюк, – заслуживает искомой ученой степени доктора исторических наук.

Рецензент –

профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (ФБГОУ ВПО «ИГУ»), доктор исторических наук

Болеслав Сергеевич Шостакович

25. 04. 2015. Иркутск

Подпись проф. Б. С. Шостаковича заверяется: